

— Ладно, продолжаем, — скомандовал режиссёр Фань, закончив с просмотром отснятого материала. — Вэнь Цзюэ, помоги Сяо Лу. Кроме того, что он долго вживается в роль, в остальном он весьма недурен.

Разбор полётов завершился, и Он, не желая терять ни минуты, погнал актёров обратно на площадку. Раньше он уже просил Вэнь Цзюэ присмотреть за Лу Циньянем, но тот упрямо гнул свою линию, пропуская любые советы мимо ушей. Однако сегодня настрой парня изменился. Режиссёр был уверен: теперь Циньянь впитает каждое замечание как губка.

Режиссёр не знал, что именно послужило причиной столь разительной перемены, но результат его более чем устраивал.

— Хорошо, — только и успел выдохнуть Лу Циньянь.

Он обернулся, чтобы идти следом за напарником, но Вэнь Цзюэ и след простыл.

«Он точно человек? — Циньянь недоумённо уставился на удаляющуюся спину. — Как можно исчезнуть так быстро?»

Лу Циньянь покачал головой и поспешил следом. На съёмочной площадке время одного — это время всей группы, и он не собирался заставлять людей ждать. К тому же давать этому надменному типу лишний повод для ядовитых шпилек хотелось меньше всего.

Вторая сцена тоже подошла к концу. Во время официальной съёмки Циньянь держался уверенно — это заметили все.

Вэнь Цзюэ, хоть и хранил молчание, тоже не спускал с него глаз. Несколько раз он замечал в руках напарника сценарий: страницы были испещрены пометками. Это разительно отличалось от того девственно чистого текста, который Лу Циньянь лениво листал вчера.

Не только режиссёр — даже рядовые сотрудники площадки начали шептаться о переменах в поведении актёра. Казалось, в него вселилась иная душа. «Перерождение» — иначе это и не называли.

Дневная смена закончилась около половины шестого. Несмотря на очевидный прогресс, Лу Циньянь всё ещё оставался рекордсменом по количеству неудачных дублей. Это был факт. Но столь же неоспоримым было и то, что он совершил невероятный рывок вперёд.

Свободного времени у Циньяня почти не оставалось. В перерывах между репетициями и дублями он, не разгибая спины, зубрил текст. К Лао Вану он смог подойти лишь после шести вечера, когда работа в кадре была официально завершена.

Режиссёр Фань задержал его ещё на несколько минут, выдав порцию критики вперемешку с

наставлениями. Лу Циньянь смиренно выслушал всё, попрощался и, прижимая к груди сценарий, направился к выходу.

Лао Ван сидел всё на том же месте, словно и не двигался с самого обеда.

— Лао Ван... давай поговорим.

Разумеется, Ван Цзяи заметил приближение друга, но, помня о дневной размолвке, сделал вид, что страшно занят чем-то в телефоне. Ему было неловко.

«Ну и бред, — выругался он про себя, презирая собственную нерешительность. — Мы с детского сада вместе, видели друг друга во всех видах, а теперь я переживаю из-за какой-то глупой заминки».

Весь вечер Лао Ван украдкой наблюдал за Циньянем. Он видел, как тот до дыр зачитывает сценарий, как репетирует с Вэнь Цзюэ, как выкладывается перед камерой и как в конце получает заслуженную похвалу от режиссёра.

Видя успех друга, он чувствовал гордость. Гнев постепенно улетучился, уступив место осознанию. Циньянь не сделал ничего плохого — он просто решил сменить курс. Решил превратиться из популярного молодого актёра, торгующего лицом, в настоящего артиста, за которого говорят его работы.

«Я должен был поддержать его, а не злиться, — Ван Цзяи мысленно отвесил себе подзатыльник. — Привык, понимаешь, к легкой жизни. Сам застрял в прошлом и друга туда же тянул?»

Он горько усмехнулся собственной глупости.

«Лу Циньянь наконец-то взялся за ум, решил измениться, а ты, Ван Цзяи, мало того что сам на месте топчешься, так ещё и его назад за лодыжки хватаешь? Слышишь, Лао Ван, тебе не худеть пора, тебе мозги менять надо!»

Пока агент предавался самобичеванию, Лу Циньянь, разумеется, и не догадывался о буре в его душе.

— Не нужно ничего обсуждать, я всё понял, — отрезал Лао Ван, прерывая попытку начать разговор.

«Понял? Что?» — Циньянь опешил. Он выглядел искренне недоумевающим и почти трогательным.

«Это точно Лу Циньянь? Тот самый несносный мальчишка, с которым мы выросли?»

Лао Ван снова задался вопросом: то ли мир сошёл с ума, то ли Циньянь, то ли он сам. Ответа не было, так что он решил списать всё на собственные галлюцинации.

— Значит, мы... — Циньянь замялся. После утренней вспышки гнева агента он всё ещё чувствовал себя неуютно в компании этого «старого знакомого незнакомца».

— Мы по-прежнему лучшие друзья, — Лао Ван перехватил инициативу и хлопнул его по плечу.

Циньянь был очень худым. Под его пухлой ладонью отчетливо проступили острые косточки.

«Ну и славно...» — Лу Циньянь втайне выдохнул. Поссориться с собственным менеджером в первый же день было бы верхом нелепости.

Вечерних съёмок у Циньяня не было, так что на сегодня работа была закончена. Мастер Чжан уже ждал их на парковке. На этот раз он не медлил: он ловко забрался в салон и занял привычное место.

Следом сел Лао Ван, хлопнула дверь, и машина тронулась.

Лу Циньянь молча отвернулся к окну и кончиками пальцев приоткрыл плотную штору. В узкую щель мгновенно ворвался закат, рассыпав на его коленях пригоршню рыжего золота.

Парень не отпускал ткань, любуясь последними лучами. Он медленно раскрыл ладонь, ловя солнечный блик, и осторожно сжал пальцы, будто пытаясь удержать ускользающий свет.

«Детский сад», — фыркнул он про себя, но улыбку скрыть не удалось.

***

Глубокая ночь. В небе застыла холодная луна, осенний ветер колыхал ветви деревьев, заставляя их тоскливо шелестеть.

В комнате было тепло и уютно. Мужчина, полулежа на кровати под неброским ворсистым пледом, листал ленту в телефоне. Основной свет был выключен, лишь торшер у изголовья отбрасывал мягкое сияние, выхватывая из темноты половину его лица. Остальная часть комнаты тонула в густом сумраке.

Мужчина оставался бесстрастным, но смотрел всё холоднее.

Он методично водил пальцем по экрану. В его глазах отражалась страница социальной сети.

Weibo: Горячие темы

10-е место: Крах имиджа популярного молодого актёра Лу Циньяня

Этот запрос взлетел на первую строчку еще вчера вечером. Спустя сутки он немного сдал позиции, но всё ещё уверенно держался в первой десятке.

«Крах имиджа Лу Циньяня...» — мысленно повторил мужчина.

Он искренне не понимал, какой именно «образ» мог рухнуть у этого парня. Вечные интриги? Навязчивость? Любовь к женским нарядам? Это ли считалось его «имиджем»?

Впрочем, вряд ли это было ролью. Скорее уж — истинным лицом.

<http://bllate.org/book/17547/1709238>